

ОБЩЕСТВО. ОБРАЗОВАНИЕ. МОРАЛЬ

Прытков В. П.
Екатеринбург, УрФУ

SOCIETY. EDUCATION. MORAL

Prytkov V. P.
Yekaterinburg, Ural federal university

Аннотация. В статье анализируются подходы к пониманию современного российского общества и констатируется их неполнота. Излагается эскиз концепции социального проблематизма. Обсуждается состояние образования в России. Критикуются цели, средства и результаты проводимой реформы образования. Ставится вопрос о моральном аспекте этой реформы.

Ключевые слова: рыночное общество, информационное общество, гумбольдтовский университет, кажимость, проблемность общественного бытия и сознания, ценности, моральные ограничения и оценки.

Abstract. In this report author analyses approaches to understanding of contemporary Russian society and states their insufficiency. He expounds a sketch of concept of social problematism. Condition of education in Russia is being discussed. Aims, means and results of ongoing reform of education are being criticized. The author raises the question of moral aspects of this reform.

Keywords: market society, information society, the problemense of social being and consciousness, Humboldt's university, appearance, values, moral limitations and assesments.

Пытаясь понять современное общество, следует помнить заветы Козьмы Прутова. Первый завет: «Что есть лучшего? – Сравнив прошедшее, свести его с настоящим». В 1982-83 гг. Ю. В. Андропов шокировал наших обществоведов, утверждая: «Мы не знаем общества, в котором живем». Прошло тридцать пять лет, которые вместили перестройку, очередную российскую революцию, квазирыночные реформы и т.д. Уместно заново поставить вопрос: в каком обществе мы живем?

1. В каком обществе мы живем? Ответы определяются выбором «системы отсчета». Если в качестве таковой служит Конституция РФ (1993 г.), то мы должны верить, что живем в демократическом обществе, в условиях рыночной экономики, в правовом социальном государстве и т.п. Кто же в это поверит?

Другая система отсчета – социальные сети, которые, подобно «коллективному Станиславскому», надрывно кричат: «Не верю!» Люди пишут о выживании, нищете, отсутствии социальной справедливости. Иными словами, о том же, о чем говорит Канцлер в гётевском «Фаусте»:

Лишь выглянь из дворцового окна,
Тяжелым сном представится страна.
Все, что ты сможешь в ней окинуть оком,
Находится в падении глубоком,
Предавшись беззаконьям и порокам.

Российские и зарубежные исследователи и художники сформулировали множество ответов на поставленный вопрос. Выделим некоторые типичные ответы и попытаемся упорядочить их по шкале «иррациональное-рациональное». Получим спектр оценок:

«Россия, ты сошла с ума!» (Ю. Карякин, декабрь 1993 г.);

«Россию продали, только название осталось...», – говорят жители приангарских деревень в документальном фильме «Река жизни. Валентин Распутин» (2011 г.). Историю постсоветской России В. Г. Распутин резюмировал названием своей книги [7];

Криминальная Россия. «Вся страна – станица Куцевская», – заявил депутат Госдумы А. Макаров. Об этом же – документальный телецикл Д. Гамбурга и десятки, сотни других;

Попытки рационального осмысления указанных негативных процессов в работах А. С. Панарина, А. А. Зиновьева, С. Г. Кара-Мурзы, С. Ю. Глазьева, В. Р. Соловьева и других.

Этот спектр оценочных суждений позволяет сделать ряд выводов социально-философского характера. (Часть из них представлена в публикациях автора 2012-2017 гг.). Эти выводы можно обозначить как набросок, эскиз концепции социального проблематизма.

1. Вся жизнедеятельность общества, его подсистем (всеобщих сфер жизнедеятельности – от экономики до морали) и других человеческих общностей, а также индивидов в определенном аспекте представляет собой процесс формирования, воспроизводства и поиска решений проблем.

2. В общественной жизни возникают и решаются различные проблемы: а) глобальные – безопасности, экологические, демографические и т.д. Кризис рационального мышления и поведения – одна из самых острых глобальных проблем современности; б) региональные как проявления глобальных проблем в особенных условиях региона; в) локальные – описываются категорией «единичное». Данная типология аналогична гегелевской триаде «всеобщее – особенное – единичное». Термин Э. Гидденса «глокализация» уточняет отношения внутри триады.

3. Внутри конкретного социума возникают, воспроизводятся и решаются разные проблемы – производственно-технологические, экономические, социальные, политические идеологические, организационно-управленческие, которые охватываются понятием «общественная проблема».

4. Следовательно, проблемность – это атрибут человеческого бытия и познания, что означает имманентность и неустранимость проблем из жизни индивида и общества.

5. Из четвертого тезиса следует, что атрибут проблемности проявляется в:

а) в бытии человека в мире вещей, в мире «второй природы», которая сопротивляется деятельности человека, его попыткам преобразовать, переделать, изменить мир (сравним с одиннадцатым тезисом Маркса о Фейербахе). Это практические проблемы, связанные с познавательными и ценностными затруднениями и осложнениями, имеющими экзистенциальное измерение:

Я переделать мир хочу
И от бессилия кричу...
Я Достоевского читаю,
Я русских мальчиков учу
И. Кабыш

Указанные виды проблем образуют «философский квадрат», в вершинах которого онтологические и праксеологические проблемы (внизу, в фундаменте), а наверху – гносеологические и аксиологические, в центре – экзистенциальные проблемы;

б) специфически человеческом бытии – телесно-природном, индивидуально-видовом (*Homo sapiens*) и социально-историческом;

в) бытии духовного – индивидуализированного и объектированного.

6. Указанный спектр мировоззренческих позиций и оценочных суждений возникает посредством трехгранной призмы «индивид – государство – общество», которая расщепляет философские категории (подобно опытам Ньютона по дисперсии света). Так возникает плюрализм философского знания и его амбивалентность.

7. Мною разработана модель жизненного цикла общественной проблемы – цикла, включающего семь фаз [6].

8. Атрибут проблемности связан с концептом рискованности человеческого существования и деятельности. Актуализируются социально–философские и этические исследования, направленные на осмысление процессов распространения конвергентных технологий (NBICS – нано -, биоинформационные когнитивные и социальные технологии). Бездумная экспансия этих технологий грозит антропологической катастрофой.

«Наше время предстает, по преимуществу, как время вопросов, большинство из которых остается без ответов», – писал Н. И. Лапин. Тем не менее на вопрос «Что с нами происходит?» он дает определенный ответ: «В современной России наблюдается... патологический социокультурный кризис» ([4, с. 6, 58] – здесь и далее подчеркнуто мною. – *В. П.*)

Тем не менее социальные теоретики предлагают все новые ответы на исходный вопрос. Например, отвечают так:

«Мы живем в постиндустриальном обществе». Однако переход этот оплачен высокой ценой – ценой деиндустриализации России. Экономист Н. П. Шмелев в 1995 г. призывал ликвидировать до 2/3 всей промышленной системы страны [3, с. 507]. К этому же призывали «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев, Г. Греф и другие.

«Мы живем в информационном обществе (ИНФО)». Анализ этой идеологемы показал, что ИНФО – это социокультурная иллюзия. Новейшая версия гласит: мы переходим к «цифровой экономике», «цифровому рынку» (это рынок, на котором торгуют цифрами?). Вот введем криптовалюту и будет вам «счастье». Ведь у большинства россиян, как не было обычной валюты, так не будет и криптовалюты.

«Мы переходим к обществу знаний, когнитивному капитализму». А для чего тогда планомерно уничтожаются отечественное образование и наука?

2. Каково состояние образования в России? Этот вопрос волнует многих граждан, в том числе и нас, университетских преподавателей. Казалось бы, здесь всё ясно: в больном обществе не может быть здоровым образование как важнейший социальный институт. Однако здесь мы можем столкнуться с таким феноменом, как кажимость – это, согласно Д. В. Пивоварову, «искаженная видимость, поверхностный взгляд на вещи, одностороннее или извращенное проявление сущности наружу» [5, с. 295]. Пивоваров подразделял кажимости на два вида: а) позиционные кажимости, вызванные объективными особенностями условий нашего наблюдения. Такова, например, «окопная правда» в художественных произведениях о войне; б) кажимости – иллюзии, которые сопряжены с дефектами наших познавательных способностей, с извращенным восприятием реальности, для образования – социокультурной реальности. Для понимания современного состояния системы образования необходимо знать ее прошлое и тенденции будущего развития системы, принадлежащей и к духовной и к интеллектуальной составляющей культуры (в трактовке В. Ж. Келле). Кроме того, здесь следует помнить второй завет К. Прутков: «Если бы все прошедшее было настоящим, а настоящее продолжало существовать с будущим, кто был бы в силах разобрать: где причины и где последствия?»

Неоспорима роль государства в образовании. «Образование – это самое эффективное средство, с помощью которого государство формирует людей по своему подобию», – писал в 1938 г. М. Хальбвакс в предисловии к «Эволюции педагогики во Франции» Э. Дюркгейма. Как известно, существует две идеальные модели высшего образования. Первая – классический университет эпохи модерна был задуман его создателями (Фихте, Шлейермахером, В. фон Гумбольдтом) как научное учреждение. Гумбольдтовский университет – это «одновременно и фабрика специалистов, и фабрика современной социальности, и фабрика знаний, и фабрика нации» [2, с. 44]. Вторая – средневековый университет, для которого характерны: высшее образование как правовой статус, государственно-общественная собственность на знания и иерархические авторитарные отношения между преподавателями и студентами. В реальности XX в. существуют симбиозы указанных моделей, а именно: американский исследовательский университет, который ближе к первой модели, и советский вуз, который ближе ко второй. «История показала, что прямой перенос гумбольдтовского университета на

российскую почву невозможен» [2, с. 266], – отмечает Р. Р. Вахитов. Однако либеральные реформаторы, наследники западников в главном русском споре, с незаурядным упорством, достойным лучшего применения, продолжают указанный перенос.

Его идеологическое прикрытие составляют политические мифологемы, заимствованные из доктрины неолиберализма. Следовательно, мифологемы рыночного и компьютерного фундаментализма суть «продукты» позиционных кажимостей. Речь идет о позиции сенаторов США. Действительно, «глобализация – это американизация», – как разъяснил А. С. Панарин в книге «Народ без элиты». Путинско-медведевская «реформа» образования и науки началась в 2000-е годы и идет до сих пор. О катастрофических последствиях этой реформы предупреждал еще в 2002 г. на парламентских слушаниях в Госдуме академик В. И. Арнольд. Он говорил о том, что Россия сократила свои расходы на образование и науку в «лихие 90-е» примерно в 10 раз (а члены «семерки» значительно их увеличили): «Трагическая утечка мозгов, происходящая вследствие этой ошибки, – только одно из последствий той антинаучной и антиинтеллектуальной политики, частью которой является и обсуждаемый безобразный проект «стандартов». Из-за этих «стандартных» нелепостей уровень подготовки школьников опустится гораздо ниже обычного уровня реальных училищ царского времени, а кое в чем – даже ниже уровня церковноприходских училищ» [1].

Владимир Игоревич Арнольд – великий математик, ученик и соавтор А. Н. Колмогорова, ученый с мировым именем (есть теория КАМ – Колмогорова – Арнольда – Мозера). Он проницательно увидел цель и направление преобразований, их экономическую и социально-политическую сущность: а) это план подготовки рабов, обслуживающих добычу нефти и газа. Раб должен быть здоров (больше часов на физкультуру) и понимать язык хозяина (английский); б) данная реформа финансируется иностранцами, давно мечтавшими избавиться от конкуренции со стороны российской науки и техники; в) промежуточная цель – снизить уровень образования в нашей средней школе до американских стандартов (уметь делить 111 на 3 без компьютера). По статистике Американского математического общества в сегодняшних Штатах разделить число $1\frac{1}{2}$ на число $\frac{1}{4}$ может, в зависимости от штата, от одного до двух процентов школьных учителей математики. В. И. Арнольд говорил о том, что все это (снижение уровня

образования) делается не по невежеству, а сознательно, просто по экономическим причинам: приобретение населением «плодов» культуры плохо влияет на покупательную способность в обществе потребления, ибо снижает доходы хозяев общества. Он утверждал, что современные мировые тенденции американизации обучения разрушают классическую культуру во всех странах. Рыночный фундаментализм и порождаемая им коммерциализация культуры, отмечал А. С. Панарин, готовы искоренить национальную культуру. Компьютерный фундаментализм лишь усиливает процессы деградации.

3. Мораль в эпоху рыночного триумфа. Исторический опыт подтвердил правоту В. Жискар д'Эстена: «Рыночная экономика – да, рыночное общество – нет». Рыночное общество – это социум, в котором все продается и все покупается. «Вторжения рыночной идеологии в области, столь далекие от коммерции и экономики, разрушают и деморализуют общество» [8, с. XXIII], – утверждал в 1998 г. Джордж Сорос, эксплицируя последствия рыночного фундаментализма, сделавшего систему мирового капитализма ненадежной. Он выделил следующие моральные последствия:

- несостоятельность политики и распад моральных ценностей как на национальном, так и на международных уровнях. Первая тенденция означает коллективное принятие политических решений;
- превращение корысти и эгоизма в моральный принцип коррумпировало политику;
- финансовый успех ставится выше таких подлинных ценностей, как честность;
- деятельность должна регулироваться самым навязчивым способом – невидимой рукой конкуренции, ведущей к увеличению прибылей;
- рыночные ценности подрывают ценности профессиональные.

Американский философ Майкл Сэндел (Гарвардский университет) показывает, что рыночный подход, распространяемый на нерыночный сектор (а он должен существовать!) нередко разрушает первичный смысл многих общественных явлений и соответствующих социогуманитарных понятий и оценочных суждений. М. Сэндел пишет: «Конечно, в мире все еще есть вещи, которые нельзя купить за деньги, но в наши дни их осталось не так много. Сегодня на продажу идет почти все» [9, с. 9]. Например, школы в Далласе платят детям два

доллара за каждую прочитанную ими книгу. Или вы можете сделать «ставки на жизнь» чужих людей, а после их смерти получить страховые выплаты (возможно, миллионы долларов). Он призывает «поставить рынок на место» и подумать о моральных ограничениях для рынка. Что же плохого в рыночном обществе? Сэндел выделяет две причины для беспокойства: нарушение принципа равноправия и моральное разложение. Следовательно, обществу, в том числе и властям, необходимо решить: хотим ли мы иметь рыночную экономику или быть рыночным обществом? Далее – закрепить ответ законодательно и реализовать его в реальной социальной политике. Обсуждая вторую причину, Сэндел пишет о «коррозионных свойствах рынка» [9, с. 15], ибо установление цены на общественные блага – например, на «образовательные услуги» (продолжим рассуждения Сэндела) – влечет за собой их ухудшение. Он отмечает, что продажа с аукциона мест в колледже способствует повышению дохода учебного заведения, но при этом подрывает его репутацию и снижает ценность его диплома [9, с. 16]. Кроме того, он делает вывод: рынок вытесняет мораль. Следовательно, мы должны выработать подходы к определению ценности благ в таких областях, как академическая (фундаментальная) наука, образование, здравоохранение, семья и т.п.

Таким образом, проводимая путинско-медведевская реформа образования и науки, как утверждают В. И. Арнольд, Ж. И. Алфёров, Р. Р. Вахитов и другие исследователи, заранее обречена на провал, поскольку является неподготовленной в социально-экономическом аспекте и непродуманной в организационно-управленческом, политическом и моральном аспектах. Во-первых, она не имеет четко поставленной цели, вместо нее – нагромождение симулякров, либеральных идеологем и кажимостей. Во-вторых, неадекватны средства реформы и выделяемые ресурсы. Реформаторы бездумно копируют западные образцы, модели вероятного противника, ведущего информационно-психологическую войну против России. Большинство граждан и экспертов полагают, что финансовый капитал, Правительство РФ и Центробанк проводят, по оценке В. Г. Распутина, политику финансовой оккупации страны, а по оценке С. Ю. Глазьева – политику геноцида. «Косвенный» геноцид – это направленное изменение культурно-исторической среды и перманентные попытки изменить ментальность народа путем манипуляции сознанием [10]. Проводимая реформа образования и

науки есть одно из проявлений «косвенного» геноцида. Провальный характер реформы обнаружился еще на стадии «целеполагания»: «Нам нужны не творцы и не всесторонне развитые личности, а компетентные потребители» (А. А. Фурсенко). В-третьих, катастрофические результаты реформы. Минобрнауки планирует закрыть 6833 сельских школ. Старшеклассников не учат думать, а натаскивают на сдачу ЕГЭ: вместо реализации девиза «Школа должна учить мыслить!» (Э. В. Ильенков) решение «кроссвордов». Внедрение Болонской системы (в т.ч. бакалавриата) сломало апробированные учебные планы и породило кентавр – проблемы. Разрушена система социогуманитарного образования для основной массы студентов. В результате – резкое снижение качества нашего высшего образования, которое не повысить бессмысленной гонкой за рейтингами, т.е. количественными показателями. О причинах и следствиях указанных процессов писала профессор В. В. Афанасьева, хотя ее анализу не хватает глубины. Итак, «Умом Фурсенко (Ливанова, Васильеву и т.д.) не понять, в Россию можно только верить».

Список литературы

1. Арнольд В. И. [Электронный источник] <http://scepsis.net/libraryid651.html>
2. Вахитов Р. Р. Судьбы университета в России. – М., 2014.
3. Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум. – М., 2006.
4. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. – М., 1994.
5. Пивоваров Д. В. Синтетическая парадигма в философии. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011.
6. Прытков В. П. О концепте «общественная проблема» // Личность и общество в современном социально-философском дискурсе. – Екатеринбург: УрФУ, 2016. С 340-345.
7. Распутин В. Г. Эти 20 убийственных лет: Преступления без наказания. – М.: Алгоритм, 2013. – 320 с.
8. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. – М., 1999.
9. Сэндел М. Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка. – М., 2013. – 256 с.
10. Черновицкая Ю. В. «Косвенный» геноцид в современном обществе // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 165-171.